

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

6) Цитируется по изданию: Харис Битлиси, "Лейли и Меджнун", перевод, примечания и предисловие М.Б.Руденко, Москва, 1965, стр.

7) В говоре таджиков Вахио-Боло (дарвазско-ванджские говоры) наблюдается обратное явление: глагол "gardidan" в функции вспомогательного глагола "становиться, делаться" употребляется лишь в формах настоящего времени (*xurda namegaga*); см. Н.А.Кисляков, Описание говора таджиков Вахио-Боло, сборн.Таджикистанской базы АН СССР, т.Ш, лингвистика, Москва-Ленинград, 1935, стр.35; А.Э.Розенфельд, Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка, автореферат диссертации, Ленинград, 1966, стр.35.

8) Цитированная коллекция А.Д.Жаба в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина, шифры-курд.16 и курд.17. А.Д.Жаба неверно приписывал сочинение этой версии Харису Битлиси. Нами установлено, что это - сокращенная версия поэмы Селима Слемана, автором которой, судя по данным текста, был либо малоизвестный второстепенный поэт, либо грамотный переписчик (XVIII-XIX вв.).

Л. П. Смирнова

ИСФАГАНСКИЙ ГОВОР И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ДИАЛЕКТАМ ПОЛОСЫ г.ИСФАГАНА

В иранской диалектологии хорошо известна группа диалектов центрального Ирана, условно называемых диалектами полосы города Исфагана. Это - наречия трех селений вблизи Исфагана: Седе, Газ, Кафран¹, представляющие собой, по существу, самостоятельные языки.

Известен также еврейско-персидский диалект Исфагана², который исследователи обычно выделяют вместе с седеи, газа и кафрани в одну группу в виду близости их грамматической структуры (Фараваши).

Язык, на котором говорит подавляющее большинство мусульманского населения г.Исфагана³, предметом специального изучения не был. Отдельные языковые наблюдения имеются лишь в работах Ю.Н. Марра "Садек Молла Реджеб"⁴ и "Добавления к статье "Тегеранские

литературные впечатления⁵ и в его неопубликованных дневниковых записях, сделанных во время научной командировки в Иран в 1925 и 1926 гг.⁶.

Марр считал возможным сближать мусульманско-персидский Исфагана (далее исфаганский) с вышеупомянутыми диалектами: "испаганский тоже и городской один из диалектов вроде тех, что описаны у В.А. Жуковского" ("Добавления", стр.57). Однако, поскольку это положение Марра не было подтверждено конкретными материалами, вопрос об отношении исфаганского к диалектам полосы Исфагана, в том числе к еврейско-персидскому остается недостаточно ясным.

Ниже делается попытка дать краткую характеристику некоторых фонетических явлений и грамматических особенностей исфаганского просторечья сравнительно с диалектами полосы Исфагана. Материалом по языку мусульманского населения Исфагана служили записи, сделанные автором в Исфагане в 1969 г. с помощью исфаганцев - учащихся Строительного учебного центра, а также фольклорные материалы, опубликованные в журнале "Пейгаме новин"⁷.

В области ф о н е т и к и в диалектах полосы Исфагана согласные получили иное, нежели в исфаганском, развитие. Примером может служить начальное v: 1) v не перешло в b (veše, исф. beše "ребенок", vehter, евр.-перс. veuter, исф. behter "лучше" и др.), в исфаганском начальное v отмечается только в глагольных приставках var-, vā-; 2) v не перешло в g: vaštan (е.-п. vezaštan) "проходить", vātan "говорить"; сохранение z (не перешло в ḡ): zumā/zemā (е.п. zumāz), исф. dumā "зять", в е.п. тж. хезā "бог", bezār "брат", māzo "мать"; сохранение глухого t в др.-ир. группе ḡt: bart/bert о.пр.вр. глагола "нести", хут (е.-п. хурт) о.пр.вр. глагола "есть" и др., в исфаганском - только в слове ārt "мука"; ḡ в е.-п., ḡ в диалектах = z в исфаганском: е.-п. ḡan, с., г. žen, исф. zen "женщина" и др.

i < u, отмечаемое в исфаганском в слове peni "колыбель", в е.-п. закономерно распространяется на все слова (pil "деньги", zid "быстро", pir "сын" и т.д.); падение начального h, отмечаемое в исфаганском в ряде слов (zār -hezār денежная единица, am -ham "тоже"), составляет специфику е.-п. (ar "всякий", ālā "теперь", amāya "сосед", anā "хна"); в вокализме отметим также соответствие исфаганскому o в диалектах п.И. гласного e (исф. zobā, с. и е.-п. zebā "завтра", исф. bolan, е.-п. beland, г. belan,

с., к. belend "высокий", исф. хоб, с., г. хоб, е.-п. хав "хороший"), гласному o - гласного i (исф. айб, е.-п. вов с., г., к. вов "яблоко").

Примеры оглушения d, z в интервокальной позиции в исфаганском (хобāfesi, "прощание", qāseti "по делу") не находят аналогии в диалектах полосы Исфагана.

Оглушение согласных b, d в исфаганском в позиции перед или после глухого (zaf < zabt "отнимание", uxte как вариант uxde < uxorde "немного" противостоит озвончению согласных p, t после глухих в е.-п. (daxaxd "дерево", vaxd "время", o'axog "зверлид", Baxoan "Исфаган", e'vbez "белый"). Последнее явление в е.-п., однако находит параллель в озвончении согласного k в исфаганском в позиции после глухого (she'gi "черный", a'bgabe "этаж").

Общим, в частных моментах, для исфаганского и диалектов п.И. является отражение литературного a в определенных позициях как ā (āsh "дядя", bānār "весна"), u (jūvāb "ответ", suvār "верхом") или i (zimin "земля", pinir "сыр"), лит. o как ā (исф. kālā "шапка", е.-п. fāz "брань") или i (исф. xarbizе, е.-п. arbize, г. ibize "дныя"), отсутствие вставного y при стечении двух гласных (исф. miā "волосы", е.-п. giā "дни") или употребление в качестве вставного согласного y (исф. migu'am/migucham "я говорю", е.-п. guchā "дни"), чередование r/l (исф. difal, е.-п. divāl "стена", исф. enjil, е.-п. anjil "инжир"), тенденция к стяжению и упрощению слов с выпадением отдельных согласных или целых слогов, упрощение групп согласных xt и zd с падением согласного t/d или его ассимиляцией (dax "друг", uszā "мастер"), озвончение согласных s, z в поствокальной позиции, предшествующий согласный - звонкий (исф. megez, г. magaz "муха").

В м о р ф о л о г и и имен сколь-нибудь значительных различий между исфаганским и диалектами полосы Исфагана нет.

Имя существительное имеет две формы - форму единственного и форму множественного числа. Показателем формы мн.ч. является -ā: bešā (в диалектах vešā) "дети", šešā "глаза".

Падежные отношения выражаются посредством служебных элементов (предлоги, послелоги). Показателем прямого объекта при переходных глаголах служит -ā: исф. dax-ā vā kun "открой дверь", е.-п. meliā dāxim "мы имеем кошку". Варианты послелога -u/-gu в исфаганском могут быть объяснены влиянием общеразговорного

языка, в диалектах и в е.-п. после имен с исходом на гласный употребляется также $-gā$. В составе предлогов имеются некоторые отличия. В качестве примера упомяну предлог $bā$ "с" в исфаганском и ходе в е.-п. (с. $χo$) "с".

Изафетным показателем в исфаганском, так же как и в диалектах полосы Исфагана является $-ī$, в е.-п. $-ē$.

Некоторые расхождения наблюдаются в личных местоимениях и местоименных энклитиках (в скобках приводится соответствующая форма местоимения в диалектах п.И.): I ед.ч. ma (е.-п. man , с., г., к. mi), I мн.ч. $mā/mābā$ (д.п.И. $āmā$), 2 мн.ч. $šimā$ (е.-п. $šēma$, с. $šomā$ по Фарахани и $šēma$ по Хуковскому, г. $šimā$). Полная форма местоименных энклитик: $-am$ ($-om$), $-ed$ ($-od$), $-ē$ (е.-п. $-oē$, к. $-uē$ г. $-oē$, с. $-u$) в ед.ч. и $-שמין$ ($-omīn$), $-שמין$ ($-omīn$) во мн.ч. Помимо атрибутивной и объектной функций, характерных для исфаганского, в диалектах полосы Исфагана местоименные энклитики участвуют в образовании форм прошедшего времени переходных глаголов (см. ниже).

Существенное различие между исфаганским и диалектами полосы Исфагана наблюдается в системе глагола.

Глагольная система в исфаганском в современном ее состоянии близка к таковой в общеразговорном, и в конечном счете, в литературном персидском языке. Все временные формы образуются от основ наст. или прош. времени путем прибавления к ним личных окончаний и характерных для них префиксов. Особенности исфаганского глагола касаются главным образом фонетической стороны (тип сокращения при образовании основы и соответственно личных временных форм) и личных окончаний: окончание 3 ед.ч. имеет форму $-ed$, 2 мн.ч. $-ind$, 3 мн.ч. $-and$ (без отпадения d): $mīmed$ "приходил", $bigirind$ "берите", $mīxim$ "мы хотим" и т.д.

В диалектах полосы Исфагана одни глаголы (напр., $feresān$ "посылать", gat "становиться") имеют только основу наст. времени, от которой они и образуют все временные формы путем прибавления к ней личных окончаний, отличающихся от таковых в исфаганском. Другие глаголы (их подавляющее большинство) имеют основы наст. и прош. времени, образуемые самыми разными способами. Переходные глаголы при образовании форм прош. времени сохраняют пассивную конструкцию. В качестве личных показателей в ней используются энклитические местоимения, вставляемые между приставкой и гла-

гольной основой или же прибавляемые к концу основы. К этому еще следует добавить наличие или отсутствие тематических гласных и префиксов. Приведу примеры: с. ши *ker-ān-e* (е.-п. *ker-un-e*) "я делаю", *be-m-kat* (е.-п. *be-m-k'ārt*) "я сделал", *āte-m-e* (е.-п. *ārte-me*) "я приносил" и т.д.

Сравнение отдельных языковых фактов исфаганского и диалектов полосы Исфагана показывает неправомерность их отнесения к одной группе. Язык, на котором говорит сегодня мусульманское население Исфагана, является разновидностью персидского разговорного языка и может быть определен как персидский говор. С диалектами полосы Исфагана его сближают некоторые общие черты в области фонетики, морфологии имен и лексики. В то же время в фонетике и в глагольной системе заключено принципиальное различие между ними.

1) В.А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий. Часть вторая. Выпуск первый. Тексты. Словарь*, Петроград, 1922; *Vahrāme Faravāši, Tahlile sisteme fe'l dar lah'eye sedeyi*. - "Ma-ǰalleye dāneškedeye adabiyāt", vol. 10, No 3, Tehrān, 1342/1963, s. 311-323; H.W. Bailey, *Persia II, Languages and Dialects*, EI, III, p. 1126-1131; G. Morgenstierne, *Neu-iranische Sprachen*. - "Handbuch der Orientalistik", I, bd. 15, s. 170-172.

2) R. Abrahamian, *Dialectes des Israelites de Hamadan et d'Isfahan et dialecte de Baba Tahir*, Paris, 1936; D.N. MacKenzie, *Jewish Persian from Isfahan*. - *JEAS*, pt. 1-2, London, 1968, p. 68-75.

3) Согласно переписи 1966 г., население Исфагана составляло 423.775 чел., из них армян - ок. 5000 чел. (квартал Джольфа), евреев ок. 4000 чел. (квартал Джубаре). В квартале Бидабад (с.-з. часть Исфагана) проживают лурь, говорящие на своем языке, см. *Nonafar, Esfahan, Tehrān, 1346/1967, s. 7.*

4) Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.-Л., 1936, стр. 3-17.

5) Труды Тбилисского Гос. ун-та, т. 99, 1962, стр. 50-57.

6) Архив ЛО ИВ АН СССР: Слова, записанные в Исфагане, арх.

опись № 357; Записная книжка (1925). Исфаган, арх.опись № 680; Дневник пребывания в Исфагане, арх.опись № 687; Три записных книжки. Исфаган, арх.опись № 688.

7) Т. IY, № 2, с. 50-52; № 5, с. 62-63; № 6, с. 59-60; № 7, с. 77-78; № 8, с. 59; № 9, с. 61-62; № II-I2, с. 65-67; т. V, № I, с. 60.

О.С.Сорокина

О ВЫРАЖЕНИИ ПОБУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный литературный бирманский язык знает две формы выражения побуждения: морфологическую и синтаксическую. Морфологическая форма выражения побуждения очень древняя, и есть все основания предполагать, что она была присуща бирманскому языку изначала. Что же касается синтаксической формы выражения побуждения, то, по всей вероятности, это есть результат развития письменной литературной традиции, которая сложилась лишь к середине XV века и находилась под сильным влиянием пали.

Морфологический способ выражения побуждения, который мы можем назвать классическим, состоит в присоединении к глаголу (глагол этот может принадлежать к любому семантическому глагольному классу) морфемы "сей²": о² йа¹ хан² ми¹ ми¹ ко² сау¹ шау¹ лоун² чхоу² сей² то²... О бхикшу! Следи за собой... (Дхаммапада, 379). Обычно морфему "сей²" возводят к глаголу "сей²" (посылать); если это так, то процесс отделения значений произошел еще до возникновения письменной традиции, так как уже в памятнике начала XII века (а бирманский язык стал письменным языком только с середины XI века) встречается морфема "сей²", выражающая побуждение: йа¹ ба¹ та¹ ба¹ пра¹ у¹ а¹ у¹ а¹ а¹ ва¹ ку¹ ор¹ пу¹ а¹ ви¹ у¹ тет. Пусть это мое действие будет причиной, (благодаря которой я) получу Высшее Знание. (Надпись Мьязеди, строчки 34-35).

Возможно, что глагол "сей²" (посылать) и морфема "сей²", выражающая побуждение, в современном языке стали омонимами.

Помимо классического морфологического способа выражения побуждения в современном бирманском языке существует целая группа глаголов со значениями "разрешать", "мешать", "приказывать",